

УДК 338.2

Анализ институциональных предпочтений при кооперативных взаимодействиях для развития промышленных предприятий

© 2015 г. И.С. Кукаев*

В условиях ориентации РФ на создание полноценной рыночной экономики поиск путей развития промышленных предприятий представляется важным и значимым. Одним из таких путей является развитие кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций. Предпочтения при принятии решения о подобных коллективных действиях представляют научный интерес и рассматриваются в данной статье на примере Торгово-промышленной палаты (ТПП) и Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП).

В статье приводятся положительные и отрицательные результаты влияния бизнес-ассоциаций на условия развития промышленности. Описание исторического развития институциональных кооперативных взаимодействий в постсоветский период дополняется определением степени влияния плановой экономики и советского режима на характеристики функционирования мультисекторальных бизнес-ассоциаций. Подчеркнута роль кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций для заполнения сложившегося институционального вакуума при смене политического режима.

Показаны причины формирования кооперативных взаимодействий в виде бизнес-ассоциаций. Представлены направления деятельности, цели и возможности промышленных предприятий, для которых бизнес-ассоциации могут выступать в качестве механизма их достижения. Обозначены предпосылки формирования предпочтений хозяйствующих субъектов в пользу того или иного института кооперации. Проведен анализ положительных и отрицательных результатов влияния бизнес-ассоциаций на условия развития промышленности, что способствует развитию теории стратегического управления отечественными промышленными организациями.

В статье показаны различия в членской базе хозяйствующих субъектов между Торгово-промышленной палатой и Российским союзом промышленников и предпринимателей. Региональные отделения Российского союза промышленников и предпринимателей уступают региональным отделениям Торгово-промышленной палаты, когда речь заходит о принятии хозяйствующими субъектами решения о вступлении в мультисекторальную бизнес-ассоциацию. Даны рекомендации для менеджеров промышленных предприятий.

Ключевые слова: кооперативные взаимодействия, развитие, бизнес-ассоциации, торгово-промышленная палата, российский союз промышленников и предпринимателей

В последние 40 лет одной из стабильных тенденций развития промышленности в мире являлось увеличение кооперативных взаимодействий, имеющих разнообразный характер, но в основном принимающих форму стратегических альянсов [1; 2], и коллективных образований в виде бизнес-ассоциаций [3]. Изучению последних посвящена данная статья. Бизнес-ассоциации представляют собой форму сотрудничества предприятий для достижения наряду с общими и своих целей. Они существуют как в развитых, так и в развивающихся странах. При этом Донер и Шнайдер показывают, что в качестве эффективного инструмента развития рынков и отраслей промышленности бизнес-ассоциации выступают именно в развивающихся странах [4]. По мнению автора, в условиях современного этапа развития предпринимательской среды России

кооперативные взаимодействия в виде бизнес-ассоциаций могут предоставлять определенные возможности для развития промышленных предприятий.

В посткоммунистических государствах фирмы осуществляют кооперативные взаимодействия, создавая бизнес-ассоциации, по ряду причин. По мнению некоторых авторов, возможность оказания влияния на государственную политику выступает основной причиной формирования бизнес-ассоциаций [5–9]. С другой стороны, ряд зарубежных авторов подвергают сомнению, что именно это является основной причиной создания бизнес-ассоциаций [10; 11]. Например, Дуванова [12] утверждает, что формирование бизнес-ассоциации связано с неспособностью государства обеспечивать эффективную работу институтов. Продолжая свою мысль, она указывает, что катализатором кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций выступает нестабильность бизнес-климата. С другой стороны, Дуванова установила, что уровень коррупции положительно коррелирует с формированием бизнес-ассоциаций. Низкие показатели экономического роста России Олсон [13] связывает

* Аспирант кафедры управления социально-экономическими системами. Удмуртский государственный университет. 426034, г. Ижевск, Университетская, 1. Ikukaev4phd@gmail.com.

с высоким износом и общим состоянием производственных мощностей фирм, которые находились под государственным управлением, что послужило причиной их кооперативных взаимодействий по формированию групп интересов для лоббирования программ поддержки выхода из кризисного состояния.

В странах с переходным режимом фирмы сталкиваются с такими препятствиями для развития, как высокие издержки выполнения правил ведения бизнеса, частые изменения данных правил, что влечет за собой недостаток информации о текущих нормативных требованиях и предписаниях, трудности доступа к объектам инфраструктуры (телефонным линиям, линиям электропередачи и др.), неэффективные и коррумпированные судебные органы, обременительные и непрозрачные правила лицензирования, неопределенные таможенные процедуры и правила «игры» в целом. В таких странах бизнес-ассоциации помогают фирмам сделать менее необходимым занижать отчетность по объемам продаж для налогового учета, а также производить неофициальные выплаты государственным служащим [14]. Так, например, Нагент и Сукаян [14] указывают на создавшийся вакуум после отказа от системы центрального планирования, которая руководила практически всеми транзакциями в экономике, и рассматривают основную причину формирования бизнес-ассоциаций в посткоммунистических странах как ответную реакцию на данный вакуум¹. Они также отмечают наличие институционального вакуума, когда коррумпированные судебные органы и правительство не в состоянии привести в исполнение неисчислимо множество правил ведения бизнеса и нормативных актов. Данный вакуум может быть заполнен бизнес-ассоциациями, которые будут предоставлять общественные блага своим членам, например способствуя межфирменной кооперации через предоставление информации о контрагентах и их деятельности; способствуя исполнению контрактов, обеспечивая информацию о предыдущих договорах.

Российские институты отличаются своим сравнительно недавним появлением, что обуславливает научный интерес к изучению бизнес-ассоциаций как формы проявления кооперативных взаимодействий предприятий, в том числе промышленных. Пайл [8] показывает, что в России примерно треть предприятий-производителей являются членами бизнес-ассоциаций, а сосредоточение коллективных действий предприятий на институциональном уровне отличается стихийным порядком формирования. Так, большинство российских бизнес-ассоциаций появилось с целью продвижения интересов кооперативов и других предпринимательских структур малого масштаба, которые были разрешены в период перестройки [16–18]. Другие были основаны в период до 1992 г. крупными государственными предприятиями в качестве ответной реакции на ослабление централизованной координации эконо-

мической деятельности с целью поддержания существовавших межфирменных связей и представления коллективных интересов [8]. Некоторые были созданы по приказу министерств для хеджирования рисков в связи с неопределенностью будущего [19]. Следует выделить две основные бизнес-ассоциации, которым удалось сохранить свои позиции и приобрести популярность среди бизнес-сообщества: Российский союз промышленников и предпринимателей (далее РСПП) и Торгово-промышленную палату (далее ТПП). Пайл показал [20], что российские компании склонны к вступлению в межсекторальные бизнес-ассоциации. Так, в опросах 34 % российских фирм указали, что они являются членами хотя бы одной бизнес-ассоциации, и ТПП и РСПП были одними из самых востребованных и чаще упоминаемых бизнес-ассоциаций, 15 и 8 %, соответственно [8]. РСПП был основан как альянс директоров государственных предприятий советского прошлого, в то время как ТПП выступало как институт советского периода, продвигавший коммерческие связи с блоком некоммунистических стран².

РСПП был основан на федеральном уровне как альянс менеджеров государственных предприятий, принадлежащих номенклатуре (в иностранной научной литературе – *“red directors”*), которые осторожно и взвешенно поддерживали рыночные реформы, оказывая, например, определенное сопротивление либерализации 1992 г., высказываясь за оставление ценового регулирования, продолжение субсидирования и серьезные ограничения иностранным инвестициям [22; 23]. После 1998 г. РСПП привлек ведущих олигархов на позиции лидеров, выбрав курс на рыночные реформы. В 2000 г., получив контроль над РСПП, олигархи создали несколько отдельных направлений, отвечающих за реформирование определенных сфер: налогового законодательства, промышленной политики, экспортной политики, земельной реформы, судебной системы, реформы железных дорог, международных отношений и др. [24]. РСПП выступал за снижение налоговых ставок и повышение прозрачности налогового законодательства, компетентную судебную систему, реформирование бюрократического аппарата, естественных монополий, присоединение РФ к ВТО (общая позиция в сторону поддержки, однако без всеобщего согласия), развитие малого бизнеса. При этом, например, Дуванова подчеркивает, что нельзя воспринимать бизнес-ассоциации исключительно как средство для достижения личных или корпоративных целей олигархов [25]. Например, Гуриев и Рачински [24] показали, что во многих случаях результаты лоббирования РСПП считаются благоприятными для долгосрочного экономического процветания РФ.

Также, несмотря на то, что многие авторы указывают на возникновение кооперативных взаимодействий предприятий в форме бизнес-ассоциаций как

¹ Для более подробного описания сложившегося «вакуума» см. [15].

² Более подробно описание влияния ТПП РФ на развитие промышленности представлено в работе [21].

на ответную реакцию на негативные тенденции в экономике, некоторые выделяют и другие причины. Так Хансон и Тиг [23]; Кубичек [26]; Маркус [27]; Сулакшин и Романихин [28] указывают на то, что бизнес-ассоциации в России представляли интересы бизнеса в среде, где гражданское общество подвержено политическому контролю, а личные связи остаются основными каналами для использования влияния, однако это оказалось не эффективно. Нагент и Сукиясян [14] указывают на то, что бизнес-ассоциации подвергаются критике как остатки старого режима в отраслях, где доминировали государственные предприятия, а ассоциации использовались для контроля над предпринимательским сообществом. Одним из главных недостатков бизнес-ассоциаций в России Олсон [13] считает их вклад в укрепление неконкурентной, неэффективной и коррупционной природы экономики. С другой стороны, Пайл [8] показывает, что бизнес-ассоциации позволяют защищать права собственности (что особенно актуально в зарождающихся капиталистических экономиках [29; 30], особенно в менее демократических частях России). Фрай [31; 32] указывает на то, что членство в российских бизнес-ассоциациях коррелируется с успешным влиянием на законодательство на региональном и местном уровнях, а Нагент и Сукиясян [14] показали обратную связь между количеством членов бизнес-ассоциаций и склонностью давать взятки. Более того, Пайл [8] показывает, что значительное число членов бизнес-ассоциаций производят инвестиции в основные фонды и рабочую силу, а также в новые технологии и способы производства в более широких масштабах в сравнении с фирмами, которые членами бизнес-ассоциаций не являются. Наряду с этим российские бизнес-ассоциации проводят выставки, посвященные новым технологиям, способствуя развитию сотрудничества в сфере исследований с отечественными и зарубежными партнерами. Наконец, Пайл в своих исследованиях показал, что треть членов бизнес-ассоциаций осуществили ввод новых технологий при их содействии, а само членство в бизнес-ассоциациях положительно коррелирует с ростом производства [8].

Изучение кооперативных действий в форме бизнес-ассоциаций на региональном уровне представляет особый интерес. Пайл [20] показал, что фирмы с большей вероятностью будут становиться членами региональных ассоциаций, делая акцент на том, что желание дать отпор хищническому поведению надзорных органов, способность влиять на институциональные реформы, склонность к инвестированию в физический капитал положительно связаны с членством в бизнес-ассоциациях по региону. Различия в доходах регионов остаются на заметно высоком уровне [33–35], что также подчеркивает важность анализа кооперативных взаимодействий в форме бизнес-ассоциаций на региональном уровне. В работе [36] Перри подчеркивает, что по причине ограниченности ресурсов большинство предприятий будет предпочитать членство только в одной бизнес-ассоциации, добавляя, что концентрация

усилий даже на одной бизнес-ассоциации возможна при условии, что эта бизнес-ассоциация обладает достаточными ресурсами. Гуриев и Рачински [25] указывают на необходимость стимулирования формирования межрегиональных групп, действующих в интересах определенных кругов. Наряду с исследованиями отраслевых бизнес-ассоциаций, как это делает Пайл [8], представляет интерес изучение бизнес-ассоциаций, охватывающих несколько секторов экономики, на региональном уровне.

Ввиду различий между регионами РФ и ограниченными ресурсами предприятий, можно говорить о том, что фирмы будут отдавать предпочтение либо РСПП, либо ТПП в том или ином регионе. Принимая во внимание тот факт, что РСПП изначально в представлении интересов склоняется больше в сторону олигархов, разница в предпочтениях при выборе между двумя бизнес-ассоциациями на региональном уровне будет в сторону ТПП.

Данное предположение было положено в основу исследований автора в виде следующей гипотезы: на региональном уровне фирмы при выборе между РСПП и ТПП отдадут предпочтение ТПП.

Для проверки гипотезы мы собрали данные по количеству членов РСПП и ТПП из официальных источников – веб-сайтов данных организаций. Поскольку на некоторых сайтах региональных отделений РСПП и ТПП информация о членах не представлена, исследуемая совокупность была создана из регионов, по которым представлены данные о членстве в обеих бизнес-ассоциациях. Таким образом, исследуемая совокупность насчитывает 43 региона. Дескриптивная статистика исследуемой совокупности представлена в **таблице**. Для более наглядного сравнения средних показателей исследуемых совокупностей на **рисунке** представлена коробчатая диаграмма. Как видно из диаграммы в левом нижнем углу, совокупности обладают «выскакивающими» наблюдениями. Для робастности в правом нижнем углу показаны совокупности после трансформации (натуральный логарифм совокупностей членов РСПП и ТПП). Далее для надежности мы проверим гипотезу на обеих совокупностях.

Таблица Дескриптивная статистика исследуемой совокупности [Descriptive statistics the study totality]			
Тип союза	Количество членов		
	Минимальное	Максимальное	Среднее
РСПП	11	568	96,09
ТПП	60	3320	603,9

Нулевая гипотеза (на региональном уровне фирмы не имеют предпочтения между РСПП и ТПП) предполагает ситуацию, когда в среднем различия между членами РСПП и ТПП в регионах не наблюдаются. Так как распределения членов РСПП и ТПП не соответствуют нормальному распределению (при $P\text{-value} < 0,05$ критерии Шапиро-Уилка $W = 0,6578$ для совокупности членов РСПП и $W = 0,6621$ для совокупности членов ТПП, соответственно), для проверки гипотезы был использован непараметрический тест критерий знаковых рангов Уилкоксона. Одним из его

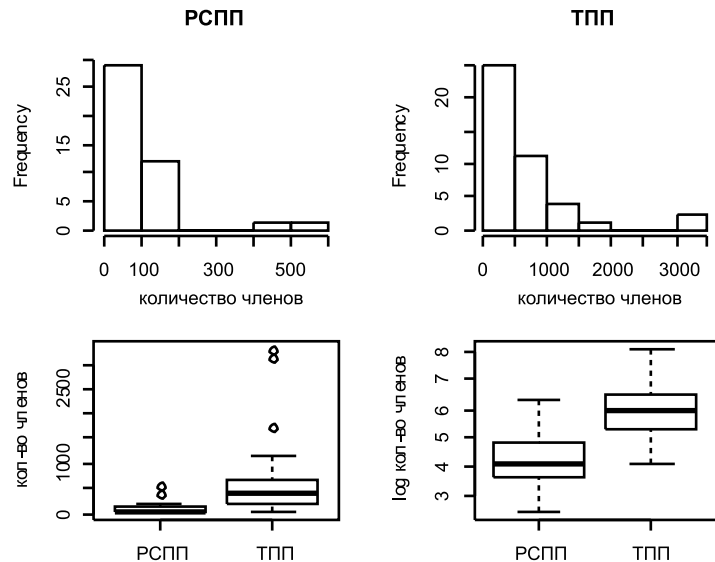
предположений является то, что две совокупности имеют схожие формы распределения, что действительно подтверждается (см. две верхние гистограммы).

Далее для проверки гипотезы была использована статистическая программа R [37]. Для первого (без трансформации) и второго (с трансформацией в виде натурального логарифма) теста критерий знаковых рангов Уилкоксона 26 и 18, соответственно. *P*-value для обоих тестов меньше 0,05, что говорит о том, что существует разница в среднем между количеством членов в региональных ТПП и региональных РСПП. Таким образом, можно говорить, что в среднем фирмы предпочитают региональные ТПП региональным РСПП.

Таким образом, было показано, что в среднем фирмы в регионах предпочитают региональные отделения ТПП региональным отделениям РСПП. Данный результат согласуется с результатами опроса Пайла [8], где респонденты в два раза чаще указывали на принадлежность к ТПП, чем к РСПП. К данным результатам следует относиться с определенной степенью осторожности, поскольку официальные сайты бизнес-ассоциаций могут отражать неполную картину общей ситуации членства в ассоциациях. Для менеджеров наши результаты подтверждают выбор в пользу ТПП на региональном уровне при необходимости принятия решения о вступлении в бизнес-ассоциацию. Однако данное решение должно быть подкреплено сравнительным анализом вклада ТПП и РСПП региона для достижения целей предприятия.

Библиографический список

1. Третьяк О.А., Румянцев М.Н. Сетевые формы межфирменной кооперации: подходы к объяснению феномена // Российский журнал менеджмента. 2003. № 2. С. 25–50.
2. Зенкевич Н.А., Королева А.Ф., Мамедова Ж.А. Концепция устойчивости совместного предприятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент. № 1 (2014). С. 28–56
3. Яковлев А.А., Зудин А.Ю., Голикова В.В. Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 26–35.
4. Doner, R. & Ross Schneider, B. Business Associations and Economic Development: Why Some Associations Contribute More Than Others // Business and Politics, 2, 3(2000). P. 261–288.
5. Treisman D. Russia's taxing problem // Foreign Policy 112 (1998). P. 55–67.
6. Johnson, McMillan. Woodruff Contract enforcement in transition // Working paper Washington World Bank 1999.
7. Ganev V. Dorian Gray Effect: Winners as state-breakers in Postcommunism // Communist and Post-Communist studies 34 (2001). P. 1–25.

Сравнение распределения средних величин и форм распределения совокупностей членов РСПП и ТПП (1 – РСПП; 2 – ТПП)
[Comparison of the distribution of of totality and a aggregates forms of distribution of members of the RSPP and TPP (1 – RSPP; 2 – CCI)]

8. William Pyle. Collective action and post-communist enterprise: The economic logic of Russian business associations // Europe-Asia studies 58 (2006). P. 491–521.

9. Recanatini F., Ryterman R. Disorganization or self-organization? The emergence of business association in transition economy // Policy research working paper № 2539 (Washington World Bank 2001).

10. Lehmbruch. Collective action and its limits: Business association, State fragmentation, and the Policies of multiple membership in Russia // paper at the American Political Science association annual meeting 2003.

11. McMenamin I. Polish business associations: Flattened civil society or super lobbies? // Business and politics 4 (2002). P. 301–317.

12. Duvanova D. Bureaucratic corruption and collective action – Business associations in the postcommunist transition // Comparative politics v. 39, № 4 (2007). P. 441–460.

13. Olson M. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships (New York, Basic Books), 2000. 272 pp.

14. Nugent J. B. and Sukiasyan G. Alternative strategies for firms in oppressive and corrupt states: informality or formality via business associations // Contemporary economic policy v. 27, 4 (2009). P. 423–439.

15. Blanchard, O., Kremer M. Disorganization // Quarterly Journal of Economics, 112 (1997). P. 1091–1127.

16. Fortescue S., Policy-Making for Russian Industry. New York: St. Martin's Press, 1997.

17. Huber, P., Worgotter A. Political Survival or Entrepreneurial Development? Observations on Russian Business Networks // Post-Soviet Affairs, 1(1998). Pp. 81–91.

18. Remington T.F. Politics in Russia. New York: Pearson Longman, 2004. 304 p.

19. Lehmbruch B. Managing Uncertainty: Hierarchies, Markets and "Networks" in the Russian

Timber Industry, 1991–1998// BOFIT Discussion Papers, No. 4 (1999) Helsinki, Finland: Bank of Finland.

20. *Pyle W.* Organized Business, Political Competition, and Property Rights: Evidence from the Russian Federation// *Journal of Law Economics & Organization*, v. 27 № 1 (2011). P. 2–31

21. *Кукаев И.С.* Развитие промышленных предприятий посредством кооперативных взаимодействий: институциональный подход // *Экономика в промышленности*. 2014. № 4. С. 48–54.

22. *McFaul M.* Russian Centrism and Revolutionary Transitions // *Post-Soviet Affairs*, 9, 3. (1993). P. 196–222.

23. *Hanson P., Teague E.* Big Business and the State in Russia//*Europe-Asia Studies*, 57, 5, (2005). P. 657–680.

24. *Duvanova D.* Firm Lobbying versus Sectoral Organization: The Analysis of Business-State Relations in Post-Communist Russia// *Post-soviet affairs*, v. 27. № 4 (2011). P. 387–409.

25. *Guriev S., Rachinsky A.* The role of oligarchs in Russian capitalism//*Journal of Economic Perspectives*, 19(1) (2005). P. 131–150.

26. *Kubicek P.* Variations on a Corporatist Theme: Interest Associations in Post-Soviet Ukraine and Russia// *Europe-Asia Studies*, 48, 1(1996). P. 27–46.

27. *Markus S.* Capitalists of All Russia, Unite! Business Mobilization Under Debilitated Dirigisme // *Polity*, v. 39, 3 (2007). P. 277–304.

28. *Сулакишин С., Романихин А.* От профсоюза олигархов к профсоюзу товаропроизводителей // *Вопросы экономики* 2003. № 1. С. 96–103.

29. *Olson M.* Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review* 87(3) (1993). P. 567–576.

30. *Clague C.* Institutions and Economic Development. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.

31. *Frye T.* Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia // *Europe-Asia Studies*, 54, 7. (2002). P. 1017–1036.

32. *Frye T.* Credible Commitment and Property Rights: Evidence from Russia//*American Political Science Review* 98 (2004). P. 453–466.

33. *Bradshaw M., Vartapetov K.* A new perspective on regional inequalities in Russia. *Eurasian Geography and Economics*, 44(6) (2003). P. 403–429

34. *Hanson P., Bradshaw M.* Regional economic change in Russia. Cheltenham: Edward Elgar, 2000.

35. *Solanko L.* Unequal fortunes: a note on income convergence across Russian regions//*Post-Communist Economies*, 20(3). (2008). P. 287–301

36. *Perry M.* Seeing trees and forests: A comparative evaluation of business clusters and national industry associations in the New Zealand forest sector // *Innovation: management, policy & practice* 9 (2007). P. 46–61.

37. *Core R. Team R.* A Language and Environment for Statistical Computing // R Foundation for Statistical Computing. – Vienna, Austria, 2013. URL: <http://www.R-project.org>. (дата обращения: 20.01.2015).

Ekonomika v promyshlennosti (Economy in the industry)
2015, no. 2, April – June, pp. 24 – 29
ISSN 2072-1633

Analysis of institutional preferences in the cooperative interactions for the development of industrial enterprises

I.S. Kukaev – Udmurt State University, 426034 Russia, Izhevsk, Universitetskaya, 1. lkukaev4phd@gmail.com.

Abstract. Since the Russian Federation has chosen a strategy towards orientation on import substitution, the topic of searching for alternative ways of industrial enterprise development becomes the primary interest. One of the approaches is cooperative interactions in the form of business associations. Preferences in regard to making a decision towards these collective actions present a scientific interest and are studied in this article on the example of Chamber of Commerce and Industry (CCI) and Russian union of Industrialists and Entrepreneurs (RUIE). This article summarizes positive and negative impacts of business associations on industry development. A description of historical evolution of institutional cooperative interactions in the post-soviet period is supplemented with analysis of the degree of planning economy and soviet regime influence on characteristics of multisectoral business associations. The role of coop-

erative interactions in the form of business associations for filling the institutional void after the change of political regime is highlighted.

The reasons for formation of cooperative interactions in the form of business associations are presented. Business directions, goals, and opportunities for enterprises are delineated, for which business associations can present a driving force to achieve the targets. Preconditions for preference formation among economic agents towards particular institutions are defined. An analysis of positive and negative outcomes of business associations impact on industry development is conducted contributing to the theory of Russian industrial enterprises strategic management.

The article analyses differences between various economic agents on the example of Chamber of Commerce and Industry (CCI) and the Russian union of industrialists and entrepreneurs (RUIE). Regional CCI offices are preferred to RUIE ones when it comes to decide on participation in a multisectoral business association.

Keywords: cooperative interactions, development, business association, Chamber of Commerce and Industry, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs

References

1. Tret'yak O.A., Rumyantseva M.N. Network forms of inter-firm cooperation: the approaches to the explanation of the phenomenon// *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*. 2003. no. 2. Pp. 25–50. (In Russ).
2. Zenkevich N.A., Koroleva A.F., Mamedova Zh.A. The concept of the stability of a joint venture. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 8: Menedzhment* 2014. no. 1. Pp. 28–56. (In Russ).
3. Yakovlev A.A., Zudin A.Yu., Golikova V.V. Business associations and their role in the processes of modernization in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2011. no. 3. Pp. 26–35. (In Russ).
4. Doner R., Schneider R. B. Business Associations and Economic Development: Why Some Associations Contribute More Than Others. *Business and Politics*. 2000. no. 2, 3. Pp. 261–288.
5. Treisman D., Russia's taxing problem// *Foreign Policy* 1998. no. 112. Pp. 55–67.
6. Johnson, McMillan. Woodruff Contract enforcement in transition. Working paper Washington World Bank 1999.
7. Ganey V. Dorian Gray Effect: Winners as state-breakers in Postcommunism. *Communist and Post-Communist studies* 2001. no. 34. Pp. 1–25.
8. William Pyle. Collective action and post-communist enterprise: The economic logic of Russian business associations. *Europe-Asia studies*. 2006. vol. 58. Pp. 491–521.
9. Recanatini F. and Ryterman R. Disorganization or self-organization? The emergence of business association in transition economy. Policy research working paper no. 2539 (Washington World Bank 2001).
10. Lehmbruch Collective action and its limits: Business association, State fragmentation, and the Policies of multiple membership in Russia. paper at the American Political Science association annual meeting 2003.
11. McMenamin I. Polish business associations: Flattened civil society or super lobbies? *Business and politics* 4 (2002). Pp. 301–317.
12. Duvanova D. Bureaucratic corruption and collective action - Business associations in the postcommunist transition // *Comparative politics* 2007. v. 39, no. 4. Pp. 441–460.
13. Olson M. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships (New York, Basic Books), 2000. 272 p.
14. Nugent J. B., Sukiassyan G. Alternative strategies for firms in oppressive and corrupt states: informality or formality via business associations. *Contemporary economic policy*. 2009. vol. 27, no. 4. Pp. 423–439.
15. Blanchard O., Kremer M. Disorganization. *Quarterly Journal of Economics*, 1997. no. 112. Pp. 1091–1127.
16. Fortescue S., Policy-Making for Russian Industry. New York: St. Martin's Press, 1997.
17. Huber, P., Worgotter A. Political Survival or Entrepreneurial Development? Observations on Russian Business Networks. *Post-Soviet Affairs*, 1998. vol. 14, no. 1. Pp. 81–91.
18. Remington T.F. Politics in Russia. New York: Pearson Longman, 2004. 304 p.
19. Lehmbruch B. Managing Uncertainty: Hierarchies, Markets and "Networks" in the Russian Timber Industry, 1991–1998. BOFIT Discussion Papers. 1999. no. 4. Helsinki, Finland: Bank of Finland.
20. Pyle W. Organized Business, Political Competition, and Property Rights: Evidence from the Russian Federation. *Journal of Law Economics & Organization* 2011. vol. 27. no. 1. Pp. 2–31.
21. Kukaev I.S. Razvitie promyshlennykh predpriyatii posredstvom kooperativnykh vzaimodeistvii: institutsional'nyi podkhod// *Ekonomika v promyshlennosti*. 2014. no. 4. Pp. 48–54. (In Russ).
22. McFaul M. Russian Centrism and Revolutionary Transitions. *Post-Soviet Affairs*. 1993. vol. 9. no. 4. Pp. 196–222.
23. Hanson, P., Teague E. Big Business and the State in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 57. no. 5. 2005. Pp. 657–680.
24. Duvanova D. Firm Lobbying versus Sectoral Organization: The Analysis of Business-State Relations in Post-Communist Russia. *Post-soviet affairs*, 2011. vol. 27 no. 4. Pp. 387–409.
25. Guriev S., Rachinsky, A. The role of oligarchs in Russian capitalism. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 19. no. 1. 2005. Pp. 131–150.
26. Kubicek P. Variations on a Corporatist Theme: Interest Associations in Post-Soviet Ukraine and Russia. *Europe-Asia Studies*. 1996. vol. 48. no. 1. Pp. 27–46.
27. Markus S. Capitalists of All Russia, Unite! Business Mobilization Under Debilitated Dirigisme. *Polity*. 2007. vol. 39. no. 3. Pp. 277–304.
28. Sulakshchin S., Romanikhin A. From the union of oligarchs to the union of producers. *Voprosy ekonomiki*. 2003. no. 1. Pp. 96–103. (In Russ).
29. Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review* 1993. vol. 87. no. 3. Pp. 567–576.
30. Clague, C., Institutions and Economic Development. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
31. Frye T. Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2002. vol. 54. no. 7. Pp. 1017–1036.
32. Frye T. Credible Commitment and Property Rights: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. 2004. vol. 98. no. 3. Pp. 453–466.
33. Bradshaw, M., Vartapelov, K. A new perspective on regional inequalities in Russia. *Eurasian Geography and Economics*. 2003. vol. 44. no. 6. Pp. 403–429.
34. Hanson P., Bradshaw, M. Regional economic change in Russia. Cheltenham: Edward Elgar. 2000.
35. Solanko L. Unequal fortunes: a note on income convergence across Russian regions. *Post-Communist Economies*. 2008. vol. 20. no. 3. Pp. 287–301.
36. Perry M. Seeing trees and forests: A comparative evaluation of business clusters and national industry associations in the New Zealand forest sector. *Innovation: management, policy & practice*. 2007. no. 9. Pp. 46–61.
37. Core R. Team R.: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing. – Vienna, Austria. 2013. Available at: <http://www.R-project.org>. (accessed: 20.01.2015).

Information about authors: Graduate students.